

Л. Д. ТРОЦКИЙ

Портреты революционеров

Ленин

Очерк

Ленин (Ульянов Владимир Ильич) (1870–1924) — теоретик и политик марксизма, вождь партии большевиков, организатор Октябрьской революции в России, основатель и руководитель советских республик и Коммунистического Интернационала — родился 9/22 апреля 1870 года в городе Симбирске (ныне переименованном в Ульяновск).

Отец Ленина (Илья Николаевич) крестьянского происхождения, педагог. Мать, Мария Александровна, по рождению Берг¹, — дочь врача. Старший брат Ленина (род. в 1866 г.) примкнул к движению народолюбцев, принимал участие в неудавшемся покушении на жизнь Александра III², был казнен на 22-м году жизни.

Ленин, третий из шести детей семьи, окончил Симбирскую гимназию в 1887 году с золотой медалью. Казнь брата навсегда вошла в его сознание и содействовала определению его дальнейшей судьбы.

Летом 1887 года Ленин поступает на юридический факультет Казанского университета, но в декабре того же года исключен за участие в студенческой сходке и выслан в село Кокушкино близ Казани в имение деда (с материнской стороны). Его ходатайства (1887 г.) о приеме вновь в Казанский университет, как и выезде за границу для продолжения образования, встречают отказ. Осенью Ленину разрешено вернуться в Казань, где он и начинает систематическое изучение Маркса³ и завязывает первые связи с членами местного марксистского кружка⁴.

В течение 1891 года Ленин успешно сдает экзамены при юридическом факультете Петербургского университета. В 1892 году

он зачисляется в Самаре помощником присяжного поверенного. К этому и следующему году относятся несколько судебных выступлений Ленина в качестве защитника. Однако главное содержание его жизни уже составляет изучение марксизма и применение его к исследованию путей хозяйственного и политического развития России.

Переехав в 1894 году в Петербург, Ленин завязывает связи среди рабочих и начинает пропагандистскую работу. К этому периоду относятся первые литературные работы Ленина, направленные против народников и фальсификаторов марксизма, и переходившие из рук в руки в рукописном виде⁵. В апреле 1895 года Ленин выезжает впервые за границу, имея главной целью установить связь с марксистской группой «Освобождение труда» (Плеханов⁶, Засулич⁷, Аксельрод⁸). По возвращению в Петербург он организует нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который быстро превращается в значительную организацию, развивает пропагандистскую и агитационную работу среди рабочих и учащихся и завязывает связи с провинцией. В декабре 1895 года Ленин и его ближайшие сотрудники подвергаются аресту. 1896 год Ленин проводит в тюрьме, где работает над изучением путей экономического развития России. В феврале 1897 года его отправляют в трехлетнюю ссылку в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию. К этому времени (1898 г.) относится брак Ленина с Н. К. Крупской, его товарищем по работе в СПб Союзе и верной его сподвижницей в течение дальнейших 26 лет жизни и революционной борьбы. За время ссылки Ленин заканчивает свой важнейший экономической труд «Развитие капитализма в России», основанный на методической проработке огромного статистического материала (Петербург, 1899).

В 1900 году Ленин выезжает в Швейцарию с целью организовать за границей, совместно с группой «Освобождение труда», издание революционной газеты, предназначенной для России. К концу года в Мюнхене уже выходит № 1 газеты «Искра» с эпиграфом: «Из искры возгорится пламя». Целью газеты является организация централизованной подпольной революционной партии социал-демократов, которая во главе пролетариата открыла бы борьбу с царизмом, вовлекая в нее угнетенные народные массы, и прежде всего многомиллионное крестьянство.

В выпущенной Лениным вскоре брошюре «Что делать?» всесторонне развивается идея организации сплоченного кадра профессиональных революционеров, беззаветно преданных делу революции и спаянных железной внутренней дисциплиной.

Идея централизованного партийного руководства борьбой пролетариата во всех ее формах и проявлениях тесно связывается у Ленина с идеей гегемонии рабочего класса в демократическом движении страны. Становясь стержнем ленинского мировоззрения и практической борьбы, идея гегемонии непосредственно переходит в программу диктатуры пролетариата, когда 1905 год и февраль 1917-го готовят условия для октябрьского переворота.

Созванный в июле-августе 1903 года II съезд РСДРП (Брюссель — Лондон) принимает выработанную Плехановым и Лениным программу, но заканчивается историческим расколом партии на большевиков и меньшевиков. Отныне Ленин начинает свой самостоятельный путь как вождь фракции, а затем партии большевиков. Начавшись с вопросов организации партии, разногласия вскоре углубляются вопросом об отношении к буржуазному либерализму, с одной стороны, к крестьянству — с другой. Меньшевики стремятся согласовать политику русского пролетариата с либеральной буржуазией. Ленин видит ближайшего союзника пролетариата в крестьянстве. Эпизодические сближения с меньшевиками не приостанавливают все большего и большего расхождения двух линий: революционной и оппортунистической, пролетарской и мелкобуржуазной. В борьбе с меньшевизмом выковывается политика, приведшая впоследствии к разрыву со II Интернационалом (1914), к Октябрьской революции (1917) и к замене скомпрометированного социал-демократического названия партии коммунистическим (1918)⁹.

Поражение армии и флота в русско-японской войне, расстрел рабочих 9 января 1905 года, аграрные волнения и политические забастовки создают революционную ситуацию в стране. Программа Ленина: подготовка вооруженного восстания масс против царизма, создание временного революционного правительства, которое должно организовать революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян для радикальной очистки страны от царизма, крепостничества и всякого вообще средневекового хлама. В соответствии с этим, на III съезде партии, состоявшем

из одних большевиков (май 1905 г.), принимается новая аграрная программа конфискации помещичьих и царских земель.

В октябре 1905 года начинается всероссийская забастовка. 17 октября царь издает «конституционный» манифест. В начале ноября Ленин возвращается из Женевы в Россию и в первой же статье призывает большевиков¹⁰, в связи с новой обстановкой, расширить организацию, привлекая в партию широкие круги рабочих, но сохраняя нелегальный аппарат, в предвидении неизбежного удара контрреволюции. В декабре царизм переходит в контрнаступление. Восстание в Москве в конце декабря, без поддержки армии, без одновременного восстания в других городах и без достаточного отклика деревни, вскоре подавляется.

В событиях 1905 года Ленин выдвигает три момента: 1) временный захват народом действительной, то есть не ограниченной классовыми врагами политической свободы, помимо и вопреки всех наличных законов и учреждений; 2) создание новых, пока еще потенциальных органов революционной власти, в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 3) применение народом насилия по отношению к насильникам над народом. Эти выводы 1905 года станут руководящими принципами политики Ленина в 1917 году и приведут к диктатуре пролетариата в форме Советского государства.

Разгром Декабрьского восстания в Москве отодвигает массы на второй план. Авансцену занимает либеральная буржуазия. Начинается эпоха первых двух Дум. Ленин формирует в этот период принципы революционного использования парламентаризма в непосредственной связи с борьбой масс в целях подготовки их к новому периоду наступления.

В декабре 1907 года Ленин выезжает из пределов России, чтобы вернуться в нее лишь в 1917 году. Открывается эпоха победоносной контрреволюции, преследований, ссылок, казней, эмиграции. Ленин ведет борьбу против всех течений упадочничества в революционной среде: против меньшевиков, проповедовавших ликвидацию (отсюда «ликвидаторы») подпольной партии и переход к чисто легальной деятельности в рамках псевдоконституционного строя; против «примиренцев», не понимавших противоположности большевизма и меньшевизма и пытавшихся занять среднюю позицию; против авантюризма социалистов-революционеров, пытавшихся личным террором заменить недостаточную активность масс; на-

конец, против сектантства части большевиков, так называемых «отзовистов», требовавших отозвания социал-демократов из Думы во имя непосредственно революционных действий, для которых обстановка не открыла возможностей. В эту глухую эпоху Ленин обнаружил сочетание двух основных своих качеств: непримиримой революционности основной линии и безошибочного реализма в выборе методов и средств.

Одновременно Ленин ведет развернутым фронтом борьбу против попыток ревизии теоретических основ марксизма, на которые опирается вся его политика. В 1908 году он пишет капитальное исследование¹¹, посвященное основным вопросам познания и направленные против идеалистической по существу философии Маха и Авенариуса¹² и их русских последователей, пытавшихся соединить эмпириокритицизм с марксизмом и проводивших в политике отзовизм. Опираясь на огромную проделанную им научную работу, Ленин доказывает, что методы диалектического материализма, как они сформулированы Марксом и Энгельсом¹³, полностью подтверждаются развитием научной мысли вообще, естествознания в особенности. Так, революционная борьба, не упускавшая из виду самых мелких практических вопросов, шла у Ленина всегда рука об руку с теоретической борьбой, поднимавшейся до самых высоких достижений обобщающей мысли.

1912–1914 годы характеризуются новым подъемом рабочего движения в России. В режиме контрреволюции обнаруживаются трещины. В начале 1912 года Ленин созывает в Праге тайную конференцию русских организаций большевиков. «Ликвидаторы» объявляются вне партии. Разрыв с меньшевизмом принимает окончательный и бесповоротный характер. Избирается новый ЦК. Ленин организует из-за границы издание в Петербурге легальной газеты «Правда», которая в постоянной борьбе с цензурой и полицией оказывает руководящее влияние на передовых рабочих.

В июле 1912 года Ленин с ближайшими своими сотрудниками переезжает из Парижа в Краков, с целью облегчить свои отношения с Россией. Революционный подъем в России нарастает, обеспечивая тем самым перевес большевизма. Ленин в оживленных отношениях с Россией почти ежедневно посылает статьи под различными псевдонимами для легальных большевистских газет, досказывая необходимые выводы в нелегальной печати. В этот период, как и раньше, так и позже, Н. К. Крупская стоит в центре

всей организационной работы, принимает приезжающих из России товарищей, дает инструкции отъезжающим, устанавливает нелегальные связи, пишет конспиративные письма, зашифровывает и расшифровывает. В июле 1913 года Ленин переезжает в местечко Поронин (Галиция), еще ближе к границе. Здесь застигает его объявление войны. Австрийская полиция, заподозрив в Ленине русского шпиона, подвергает его аресту, но через две недели освобождает и высылает в Швейцарию.

Начинается новая широкая полоса в работе Ленина, сразу получающая интернациональный размах. Манифест, опубликованный Лениным 1 ноября от имени партии, определяет империалистический характер войны и виновность в ней всех великих держав, издавна подготовлявших кровавую борьбу за расширение рынков и за разорение конкурентов. Патриотическая агитация буржуазии обоих лагерей, со сваливанием вины друг на друга, объявляется маневром для одурачивания рабочих масс. Манифест констатирует переход большинства европейских социал-демократических вождей на позицию защиты отечественной буржуазии, срыв ими решений международных социалистических конгрессов и крах II Интернационала. С точки зрения русских социал-демократов, заявляет манифест, поражение царизма было бы наиболее выгодным из исходов войны. Поражение «своих» правительств должно быть лозунгом социал-демократов всех стран. Ленин подвергает беспощадной критике не только социал-патриотизм, но и разных оттенков пацифизм, который, мечтая о мире, капитулирует перед войной и, занимаясь платоническими протестами, отказывается от революционной борьбы с империализмом.

Теоретики и политики II Интернационала усугубили старые обвинения Ленина в анархизме. На самом деле через всю теоретическую и практическую работу Ленина, и до и после 1914 года, проходит борьба не только с реформизмом, который с началом войны превратился в опору империалистической политики имущих классов, но и с анархизмом и со всеми вообще разновидностями революционного авантюризма.

1 ноября 1914 года Ленин выдвигает программу создания нового Интернационала, которому «предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма».

В сентябре 1915 года в Циммервальде (Швейцарии) собирается первая конференция европейских социалистов, стоящих в оппозиции к империалистической войне (всего 31 человек). Левое крыло циммервальдской, а затем кинтальской конференции явилось, под руководством Ленина, основным ядром будущего Коммунистического Интернационала, программа, тактика и организация которого вырабатывались под руководством Ленина. Им непосредственно вдохновлялись решения первых четырех конгрессов Коминтерна.

К своей борьбе в международном масштабе Ленин был подготовлен не только своим общим глубоким образованием на марксистской основе, не только опытом революционной борьбы и партийного строительства в России, но и детальным знакомством с мировым рабочим движением. Он непосредственно следил в течение долгого ряда лет за внутренней жизнью важнейших капиталистических государств. Хорошо владея английским, немецким и французским языками, Ленин читал также по-итальянски, по-шведски, по-польски. Реалистическое воображение и политическая интуиция позволяли ему нередко по отдельным явлениям восстанавливать картину целого. Всегда и неизменно Ленин был против механического перенесения методов одной страны на другую, рассматривая и разрешая вопросы революционного движения не только в их международной взаимозависимости, но и в их национальной конкретности.

Февральская революция 1917 года застаёт Ленина в Швейцарии. Его попытки проехать в Россию наталкиваются на решительное сопротивление британского правительства. Ленин решает использовать антагонизм воюющих стран и проехать в Россию через Германию. Удача этого плана даёт врагам повод для неистовой кампании клеветы, которая, однако, уже бессильна помешать Ленину встать во главе партии, а вскоре и во главе революции.

В ночь на 4 апреля, сейчас же по выходе из вагона, Ленин выступает на Финляндском вокзале с речью, основные мысли которой он повторяет и развивает в ближайшие дни. Низвержение царизма, говорит Ленин, явилось лишь первым этапом революции. Буржуазная революция уже не может удовлетворить массы. Задача пролетариата — вооружаться, усиливать значение Советов, пробуждать деревню и готовиться к завоеванию власти во имя социалистического переустройства общества.

Далеко идущая программа Ленина не только оказывается неприемлемой для деятелей патриотического социализма, но и вызывает возражения в среде самих большевиков. Плеханов называет программу Ленина «бредовой». Но Ленин строит свою политику не на настроениях временных вождей революции, а на взаимоотношениях классов и логике движения масс. Он предвидит, что рост недоверия к буржуазии и к Временному правительству будет с каждым днем увеличиваться, что партия большевиков достигнет большинства в Советах и что к ним должна будет перейти власть. Маленькая ежедневная газета «Правда» становится отныне в его руках могущественным орудием низвержения буржуазного общества.

Политика коалиции с буржуазией, проводившаяся социалистами-патриотами, и вынужденное союзниками безнадежное наступление русской армии на фронте возбуждают массы и приводят в Петрограде к вооруженным демонстрациям в первые дни июля. Внутренняя борьба достигает остроты. 5 июля опубликованы грубо сфабрикованные контрразведкой «документы», долженствующие свидетельствовать, что Ленин действует по поручению Германского генерального штаба¹⁴. К вечеру прибыли вызванные Керенским с фронта «надежные» части и юнкера из окрестностей Петрограда, которые заняли город. Движение было подавлено. Травля против Ленина достигла апогея. Он перешел на нелегальное положение, скрываясь сперва в Петрограде, затем в Финляндии и сохраняя постоянную связь с руководящими элементами партии.

Июльские дни и последовавшая расправа вызывают резкий подъем в массах. Предвидение Ленина оправдывается по всей линии. Большевики получают большинство в Советах Петрограда и Москвы. Ленин требует решительных действий для захвата власти, открывая, со своей стороны, непримиримую борьбу против колебаний на верхах партии. Он пишет статьи, брошюры, официальные и частные письма, подвергая вопрос о захвате власти освещению со всех сторон, опровергая возражения, рассеивая опасения. Он рисует неизбежное превращение России в иностранную колонию при продолжении политики Милюкова — Керенского¹⁵ и предсказывает сознательную сдачу ими Петрограда немцам с целью разгрома пролетариата. «Теперь или никогда!» — повторяет он в страстных статьях, письмах и беседах.

Восстание против Временного правительства, намеченное решением ЦК, под давлением Ленина, на 10 октября, ходом вещей отодвинулось на 25 октября¹⁶. В этот день Ленин впервые после трех с половиной месячного пребывания в подполье появляется в Смольном, откуда непосредственно руководит борьбой. В ночь на 27-е он выступает на заседании Съезда Советов с проектом декрета о мире (принят единогласно) и декрета о земле (принят всеми против одного, при восьми воздержавшихся). Большевистским большинством съезда, при поддержке группы левых эсеров, объявляется переход власти к Советам. Назначается Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Из лесного шалаша¹⁷, где Ленин скрывался от преследований, он непосредственно переходит на вершину власти.

Пролетарский переворот быстро распространяется по стране. Советы становятся господами положения в городе и деревне. При этих обстоятельствах Учредительное собрание, собравшееся 5 января, оказывается явным анахронизмом. Конфликт между двумя этапами революции налицо. Ленин не колеблется ни на минуту. В ночь на 7 января ВЦИК, по докладу Ленина, принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Диктатура пролетариата, учит Ленин, обозначает максимум действительного, а не формального демократизма для трудящегося большинства, ибо обеспечивает ему реальную возможность воспользоваться свободами, передавая в руки трудящихся все те материальные блага (здания для собраний, типографии и прочее), без которых «свобода» остается пустым звуком и иллюзией. Диктатура пролетариата, по Ленину, есть необходимая ступень к уничтожению классового общества.

Вопрос о войне и мире вызвал новый кризис партии и власти. Значительная часть партии звала к «революционной войне» против Гогенцоллерна¹⁸, не считаясь ни с хозяйственным положением страны, ни с настроением крестьянства. Ленин, считавший необходимым затягивать переговоры с немцами в агитационных целях как можно дольше, требовал, однако, чтобы в случае ультиматума с их стороны был подписан мир хотя бы ценой территориальных уступок и контрибуций: уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени, — развивающаяся на Западе революция раньше или позже аннулирует тяжелые условия мира. Политический реализм Ленина обнаружился в этом вопросе во всей своей силе. Большинство Центрального Комитета — против Ленина — делает

еще попытку, «объявив состояние войны прекращенным, отказаться в то же время от подписания империалистического мира». Это приводит к возобновлению немецкого наступления. После ожесточенных прений в ЦК на заседании 18 февраля Ленин завоевывает большинство за свое предложение немедленно возобновить переговоры и подписать немецкие условия, еще более отягченные.

Советское правительство, по инициативе Ленина, переселяется в Москву. Добившись мира, Ленин выдвигает перед партией и страной вопросы хозяйственного и культурного строительства.

Как всегда, он ставит вопросы ребром: «Не надо самообманов... Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую теперь нас толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению...»

Но тягчайшие испытания еще впереди. Контрреволюционное движение надвигается с окраин. На Северном Кавказе формируются белогвардейские армии. Эсеры и меньшевики усиливают свою враждебную активность. К концу лета 1918 года центральная Россия оказывается окруженной контрреволюционным кольцом. Рука об руку с отечественной контрреволюцией идет на Волге восстание чехословаков¹⁹, на севере и юге — интервенция англичан (2 августа — Архангельск, 14 августа — Баку). Прекращается подвоз продовольствия. В этих беспримерных по трудности условиях, когда казалось, что выхода нет, Ленин не отходит от руля партии и государства ни на час. Он дает оценку каждой новой опасности, указывает пути спасения, агитирует на собраниях и в печати, извлекает из рабочей массы все новые и новые силы, организует поход рабочих в деревню за хлебом, руководит созданием первых военных отрядов, следит по карте за движением врага, сносится по прямому проводу с молодыми отрядами Красной Армии, заботится в центре об их вооружении и снабжении, следит за международным положением, ориентируясь на противоречия в лагере империалистов, и в то же время находит время для внимательных бесед и с первыми иностранными революционерами, прибывающими на советскую почву, и с советскими инженерами по поводу планов электрификации, новых методов использования торфа, развития сети радиостанций и прочее, и прочее.

30 августа эсерка Каплан²⁰ подстерегает Ленина у входа в помещение рабочего митинга и производит в него два выстрела. Это

покушение ожесточает гражданскую войну. Крепкий организм Ленина быстро справляется с ранениями. В дни выздоровления он пишет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский», направленную против виднейшего теоретика II Интернационала. 22 октября он уже выступает с речью.

Война на внутренних фронтах остается по-прежнему главным содержанием его работы. Хозяйственные и административные проблемы занимают по необходимости служебное место. Питаемая извне гражданская война в полном разгаре. Только благодаря титанической энергии Ленина, его зоркости и неколебимой воле борьба заканчивается (в начале 1921 г.) полным подавлением контрреволюции. Государственная организация крепнет. Суровая школа гражданской войны выдвигает закаленные кадры организаторов.

Октябрьская революция рассматривалась Лениным всегда в перспективе европейской и мировой революции. То обстоятельство, что война не привела непосредственно к социалистическому перевороту в Европе, побудило Ленина в начале 1921 года по-новому поставить вопросы внутреннего хозяйственного режима. Социалистическое строительство невозможно без соглашения между пролетариатом и крестьянством. Поэтому партия должна радикально перестроить вызванный гражданской войной режим «военного коммунизма», заменить изъятие «излишков» у крестьянина правильно поставленным налогом и допустить частный товарообмен. Эти мероприятия, проведенные Лениным при полном сочувствии всей партии, открыли собой новую полосу в развитии Октябрьской революции, под именем «новой экономической политики».

В своей политике внутри Советского Союза Ленин с величайшим вниманием относится к положению национальностей, угнетавшихся царизмом, и всеми мерами стремится создать для них условия свободного национального развития. Ленин ведет беспощадную борьбу против всякого проявления великодержавных тенденций в государственном аппарате, тем более внутри партии. Обвинения в национальном гнете²¹, выдвигавшиеся против Ленина и его партии со ссылками на Грузию и прочее, порождались на самом деле не национальной борьбой, а острым столкновением классов внутри наций.

Принцип национального самоопределения, который в западноевропейском рабочем движении распространялся исключительно на национальные меньшинства так называемых культурных стран,

да и то половинчато, Ленин распространяет со всей решительностью на колониальные народы, выступая в защиту их права на полное отделение от метрополий. Западноевропейский пролетариат должен, по учению Ленина, отказаться от декларативных выражений сочувствия угнетенным нациям и перейти к совместной с ними борьбе против империализма.

На VIII съезде Советов (1921) Ленин докладывает о произведенной по его инициативе работе по составлению плана электрификации страны. Постепенный подъем на высшую ступень техники есть залог успешного перехода от мелкого крестьянского товарного хозяйства, с его разобщенностью, к крупному социалистическому производству, охваченному единым планом. «Социализм есть Советская власть плюс электрификация»²².

Переутомление, вызванное непомерной напряженностью работы в течение многих лет, подорвало здоровье Ленина. Склероз поражает кровеносные сосуды головного мозга. В начале 1922 года врачи запрещают ему повседневную работу. В июне-августе болезнь Ленина развивается²³; наступает утеря речи. В начале октября здоровье улучшается настолько, что Ленин вновь возвращается к работе, но уже ненадолго. Последнее свое публичное выступление²⁴ Ленин заканчивает выражением уверенности в том, что в результате упорной коллективной работы «из России нэповской будет Россия социалистическая...».

16 декабря наступает паралич правой руки и ноги. Однако в январе-феврале Ленин диктует еще ряд статей, имеющих большую важность для политики партии: о борьбе с бюрократизмом в советском и партийном аппарате, о значении кооперации для постепенного вовлечения крестьян в социалистическое хозяйство и, наконец, о политике в отношении национальностей, которые угнетались царизмом.

Болезнь прогрессировала. Снова наступила потеря речи. Работа для партии прекратилась, а вскоре прекратилась и жизнь. Ленин скончался 21 января 1924 года в 6 часов 30 минут²⁵ вечера в Горках, близ Москвы. Похороны его явились беспрецедентной манифестацией любви и скорби миллионов. Единство цели Ленин пронес через всю свою жизнь, начиная со школьной скамьи. Он не знал колебаний в борьбе с теми, кого считал врагами рабочего класса. В его страстной борьбе никогда не было ничего личного. Он себя сознавал орудием неотвратимого исторического процесса. Материалистическую

диалектику как метод научной ориентировки в общественном развитии Ленин сочетал с величайшей интуицией вождя.

Внешность Ленина отличалась простотой и крепостью при среднем росте или слегка ниже среднего, при плебейских чертах славянского лица, которое освещалось насквозь видящими глазами и которому могучий лоб, переходивший в купол еще более могучего черепа, придавал из ряда вон выходящую значительность. Неумоимость Ленина в работе была беспримерна. Его мысль была одинаково напряжена в сибирской ссылке, в Британском музее или на заседании Совета Народных Комиссаров. С предельной добросовестностью он читал лекции в маленьком рабочем кружке в Цюрихе и строил первое в мире социалистическое государство. Науку, искусство, культуру он ценил и любил во всем их объеме, но никогда не забывал, что они составляют достояние небольшого меньшинства. В простоте его литературного и ораторского стиля выражалась величайшая сосредоточенность духовных сил, устремленных к единой цели. В личном общении Ленин был ровен, приветлив, внимателен, особенно к угнетенным, к слабым, к детям. Его образ жизни в Кремле мало отличался от его образа жизни в эмиграции. Простота обихода, воздержанность в отношении пищи, питья, одежды и всех вообще «благ» жизни вытекали у него не из каких-либо моралистических принципов, а из того факта, что умственная работа и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и давали ему то высшее удовлетворение, которое не оставляет места для суррогатов наслаждения. Его мысль работала над делом освобождения трудящегося до того мига, как окончательно потухла.

19 марта 1926 г.

Два тори о революционере (Черчилль и Биркенхед о Ленине)

В 1918–1919 годах Черчилль²⁶ пытался сбросить Ленина вооруженной силой. В 1929 году Черчилль пытается дать психологическую и политическую характеристику Ленина (Times, 18.2.29). Возможно, что это есть попытка литературного реванша за неудачную военную интервенцию. Несоответствие методов с целью во втором случае не менее очевидно, чем в первом. «Его (Ленина)

симпатии холодны и необъятны, как Ледовитый океан. Его ненависть туга, как петля палача», и прочее, и прочее в том же трескучем стиле. Черчилль швыряется антитезами, как атлет гириями. Но внимательному глазу видно, что гири из жести, а бицепсы подбиты ватой. В живом образе Ленина нравственная сила нашла выражение законченной простоты. Попытка подойти к Ленину во всеоружии ярмарочной атлетики заранее осуждена.

Столь же плачевна у Черчилля фактическая сторона. Достаточно сослаться на хронологию. Черчилль повторяет где-то вычитанную им фразу о большом влиянии на развитие Ленина казни его старшего брата²⁷. По Черчиллю, это произошло в 1894 году. На самом деле покушение на Александра III было организовано Александром Ульяновым 1 марта 1887 года. По Черчиллю, Ленину было в 1894 году 16 лет. На самом деле Ленину было тогда 24 года, и он руководил подпольной организацией в Петербурге. К моменту Октябрьской революции Ленину было не 39 лет, как выходит по Черчиллю, а 47. Хронологические ляпсусы Черчилля показывают, как смутно он представляет себе эпоху и людей, о которых говорит.

Если от хронологии и боксерского стиля перейдем к философии истории, то картина получится еще более плачевная.

Черчилль рассказывает, что дисциплина в русской армии была после Февральской революции разрушена «приказом № 1», отменявшим отдавание чести²⁸. Так смотрели на дело обиженные старые генералы и амбициозные молодые поручики. Но это вздор. Старая армия отражала господство старых классов. Старую армию убила революция. Если крестьянин прогонял помещика из поместья, то сын крестьянина не мог подчиняться сыну помещика в качестве офицера. Армия не только техническая организация, связанная маршировкой и отдаванием чести, а моральная организация, основанная на определенных взаимоотношениях людей и классов. Когда старые отношения взрываются революцией, армия неизбежно гибнет. Так было всегда. Мне не ясно, читал ли когда-либо Черчилль историю Английской революции XVII столетия или французской революции XVIII века. Набирая своих офицеров, Кромвель говорил: «Неопытный воин, но зато хороший проповедник». Кромвель понимал, что основы армии создаются и разрушаются не символической этикетой, а общественными взаимоотношениями людей. Ему нужны были офицеры, которые ненавидели монархию, католическую церковь и привилегии аристократии. Он понимал, что только

ради новых великих целей может вырасти новая армия. Это было в середине XVII века. Черчилль в XX веке думает, что царскую армию погубила отмена некоторых символических телодвижений. Без Кромвеля и его армии не было бы современной Англии. Кромвель и сегодня несравненно более современен, чем Черчилль.

Целью Ленина, говорит Черчилль, было «подорвать всякие авторитеты и дисциплину». Круглоголовые то же самое говорили об индипендентах. На самом деле, индипенденты разрушали устаревшую дисциплину, чтоб установить на ее место другую, приведшую Англию к расцвету. Ленин беспощадно подкапывал, разрушал и взрывал старую, темную, слепую, рабскую дисциплину средневековья, чтоб расчистить арену для сознательной дисциплины нового общества. Если Черчилль все же признает за Лениным силу мысли и воли, то, по Биркенхеду²⁹, Ленина не было вообще. Существует лишь миф о Ленине (Times, 26.2.29). Реальный Ленин был посредственностью, на которую могут сверху вниз глядеть коллеги лорда Рейнго со страниц Беннета. Несмотря на это разногласие, оба тори совершенно похожи друг на друга в том отношении, что не имеют ни малейшего понятия ни об экономических, ни о политических, ни о философских работах Ленина, составляющих более чем два десятка томов. Подозреваю, что Черчилль не дал себе даже труда внимательно прочитать статью о Ленине, написанную мною в 1926 году для Британской энциклопедии. Иначе он не мог бы оказаться повинным в грубейших хронологических ошибках, нарушающих всю перспективу.

Чего Ленин не выносил, так это идейной неряшливости. Ленин жил во всех странах Европы, овладевал чужими языками, читал, изучал, выслушивал, вникал, сравнивал, обобщал. Став во главе революционной страны, он не упускал случая добросовестно и внимательно учиться. Он не уставал следить за жизнью всего мира. Он свободно читал и говорил по-немецки, французски, английски, читал по-итальянски и на ряде славянских языков. В последние годы жизни, заваленный работой, он в свободные минуты потихоньку штудировал чешскую грамматику, чтобы получить непосредственный доступ ко внутренней жизни Чехословакии. Что знают Черчилль и Биркенхед о работе этой пронизательной, сверлящей, неутомимой мысли, которая отмечает все внешнее, случайное, поверхностное во имя основного и главного? В своем счастливом неведении Биркенхед воображает, что Ленин впервые

выдвинул лозунг «власть Советам» после Февральской революции 1917 года. Между тем вопрос о Советах и их возможной исторической роли представлял центральную тему работ Ленина и его сподвижников начиная с 1905 года и даже ранее.

Дополняя и поправляя Черчилля, Биркенхед заявляет, что если бы у Керенского было хоть на унцию государственного смысла и мужества, Советы никогда не достигли бы власти. Поистине утешительная философия истории! Армия разрушается вследствие того, что солдатам разрешено не поднимать пятерню при встрече с поручиком. Нехватки одной унции под черепом радикального адвоката достаточно для гибели благочестивого и цивилизованного общества. Чего же стоила эта цивилизация, если в критическую минуту она не нашла в своем распоряжении лишней унции мозгов?

А ведь Керенский стоял не одиноко. Его окружали кольцом государственные люди Антанты. Почему ж они не научили, не вдохновили Керенского или не заменили его? На это косвенно отвечает Черчилль. По его словам, «государственные люди союзных наций заявляли, что все идет к лучшему и что русская революция явилась крупной выгодой для общего дела». Этим Черчилль свидетельствует, что государственные люди ничего не понимали в русской революции и, значит, мало отличались от Керенского.

Биркенхед не видит ныне особой дальнорзости Ленина и в подписании Брест-Литовского мира*. Неизбежность мира для Биркенхеда ныне очевидна. Только сумасшедшие истерики (*hysterical fools*) могли, по его словам, воображать, что большевики способны бороться с Германией. Поразительное, хотя и запоздалое признание! Ведь британское правительство 1918 года, как и все правительства Антанты, категорически требовали от нас войны с Германией, и на наш отказ от этой войны ответили блокадой и интервенцией. Приходится спросить на энергичном языке консервативного политика: где же, собственно, находились тогда сумасшедшие истерики? Не они ли решали судьбы Европы? Оценка Биркенхеда была бы очень проницательной в 1917-м. Но, признаться, мы не высоко ценим ту проницательность, которая обнаруживается через 12 лет после того, как она была необходима.

---

* Не буду останавливаться на том, что Биркенхед приписывает мне желание войны с Германией в 1918 г. Почтенный консерватор слишком прилежно следует здесь указаниям историков школы Сталина.

Черчилль приводит против Ленина — и в этом гвоздь его статьи — статистику жертв гражданской войны. Статистика эта фантастична. Но дело не в этом. Жертв было много с двух сторон. Черчилль особо отмечает, что он не включил жертв голода и эпидемий. На своем псевдоатлетическом языке Черчилль пишет, что ни Тамерлан, ни Чингисхан³⁰ не могли бы выдержать матча с Лениным в отношении истребления человеческих жизней. Судя по расположению имен, Черчилль полагает, очевидно, что Тамерлан предшествовал Чингисхану. Это ошибочно. Увы, цифры хронологии и статистики не составляют сильной стороны этого министра финансов. Однако не это нас интересует. Чтоб найти пример массового истребления человеческих жизней, Черчилль обращается к XIII и XIV столетиям азиатской истории. Великая европейская бойня, в которой уничтожено десять миллионов человек и искалечено двадцать миллионов, совершенно выпала, по-видимому, из памяти британского политика. Войны Чингисхана и Тимура были детской игрой по сравнению с упражнениями цивилизованных наций в течение 1914–1918 годов. А блокада Германии, голод немецких матерей и детей? Если даже допустить нелепую мысль, что вся ответственность за войну лежит на германском кайзере, — хороша, к слову сказать, цивилизация, если один коронованный психопат способен на четыре года обречь континент огню и мечу, — если даже принять эту смехотворную теорию единоличной ответственности кайзера, то и тогда остается совершенно непонятным, почему немецкие дети должны были вымирать сотнями тысяч за грехи Вильгельма? Но я не становлюсь здесь на моральную точку зрения и меньше всего склонен перегибать весы в сторону гогенцоллернской Германии. Я готов повторить то же рассуждение в отношении сербских, бельгийских или французских детей, как и в отношении тех желто- и чернокожих, которых Европа в течение четырех лет обучала преимуществам христианской цивилизации над варварством Чингиса и Тимура. Обо всем этом Черчилль забывает. Цели, которые Англия преследовала в войне (и которых она совершенно не достигла), кажутся Черчиллю настолько непреложными и священными, что он не удостоивает внимания тридцать миллионов истребленных и искалеченных человеческих жизней. Он с высшим нравственным негодованием говорит о жертвах гражданской войны в России, забывая об Ирландии, об Индии и о многом другом. Значит, дело не в жертвах, а в задачах и целях, которые преследовала

война. Черчилль хочет сказать, что всякие жертвы во всех частях света допустимы и священны, раз дело идет о могуществе и силе Британской империи, то есть ее правящих классов. Преступны лишь те, неизмеримо меньшие жертвы, которые вызываются борьбой народных масс, когда они пытаются изменить условия своего существования, как было в Англии в XVII столетии, во Франции в конце XVIII, в Соединенных Штатах в конце XVIII и середине XIX веков, в России в XX столетии и как будет еще не раз в будущем. Напрасно Черчилль вызывал при этом призрак двух азиатских завоевателей. Оба они боролись за интересы кочевой аристократии, подчиняя ей новые области и племена. В этом смысле их дела связаны непрерывной преемственностью с принципами Черчилля, а не Ленина. Кстати сказать, последний из великих гуманистов — имя его Анатоль Франс³¹ — не раз высказывал ту мысль, что из всех видов кровавого безумия, которое называется войной, наименее безумной является все же гражданская война, ибо в ней люди, по крайней мере сознательно, а не по приказу, делятся на враждебные лагеря.

Черчилль делает попутно еще одну ошибку, самую главную и для него лично наиболее убийственную. Он забывает, что в гражданской войне, как и во всякой иной, имеются два лагеря и что если бы он, Черчилль, не примкнул к лагерю ничтожного меньшинства, количество жертв было бы неизмеримо меньше. Власть мы завоевали в октябре почти без борьбы. Попытка Керенского вернуть себе власть испарилась, как капля воды на горячей плите... Натиск масс был так могуществен, что старые классы едва осмеливались сопротивляться. С какого времени начинается гражданская война и спутник ее — красный террор? Черчилль плох в хронологии, но мы ему поможем. Поворотным моментом является середина 1918 года. Руководимые дипломатами и офицерами Антанты чехословаки захватывают железную дорогу на Востоке. Французский посол Нуланс³² организует восстание в Ярославле³³. Английский уполномоченный Локкарт³⁴ организует террористические акты³⁵ и попытку разрушения петроградского водопровода. Черчилль вдохновляет и финансирует Савинкова³⁶. Черчилль стоит за спиной Юденича. Черчилль предсказывает точно по календарю день падения Петрограда и Москвы. Черчилль поддерживает Деникина³⁷ и Врангеля³⁸. Мониторы британского флота обстреливают наши побережья. Черчилль трубит наступление «14 наций». Черчилль становится вдохновителем, организатором, финансистом, проро-

ком гражданской войны. Щедрым финансистом, посредственным организатором, никуда не годным пророком. Лучше бы Черчиллю не приподнимать этих страниц прошлого. Ибо число жертв было бы не в десятки, а в сотни и тысячи раз меньше, если бы не британские гиней, британские мониторы, британские танки, британские офицеры и британские консервы.

Черчилль не понял ни Ленина, ни его исторической задачи. Глубже всего это непонимание — если только непонимание может быть глубоким — обнаруживается в оценке поворота к новой экономической политике. Для Черчилля это отказ Ленина от самого себя. Биркенхед дополняет: за 10 лет принцип Октябрьской революции совершенно обанкротился. Биркенхед, который за 10 лет не уничтожил и даже не смягчил безработицы углекопов, требует от нас в десять лет построения нового общества, без ошибок, без поражений и без отступлений. Чудовищное требование, которое измеряет только глубину теоретической первобытности почтенного консерватора. Сколько будет на историческом пути отступлений, ошибок, рецидивов, это предсказать нельзя. Но уметь сквозь отступления, рецидивы и зигзаги видеть основную линию исторического развития — в этом и состояла гениальная сила Ленина. Даже если бы в России победила на время реставрация — до чего, смею думать, очень далеко, — это также мало отменило бы неизбежность смены общественных форм, как мало рвота отменяет законы пищеварения.

Когда Стюарты³⁹ вернулись к власти, у них было гораздо больше прав думать, что принцип Кромвеля⁴⁰ обанкротился. Между тем, несмотря на победоносную реставрацию, несмотря на всю дальнейшую цепь приливов и отливов, борьбу вигов и тори, фри-тредеров и протекционистов, бесспорно одно: вся новая Англия взошла на дрожжах Кромвеля. Эта историческая закваска стала истощаться только в последней четверти прошлого столетия. Этим объясняется неудержимый упадок мировой роли Англии. Чтобы возродить падающую Англию, нужны новые дрожжи. Не Черчиллю понять это. Ибо, в противоположность Ленину, который мыслил континентами и эпохами, Черчилль мыслит парламентскими эффектами и газетными фельетонами. А этого убийственно мало. Будущее, и не столь отдаленное, докажет это.

23 марта 1929 г.

Разногласия с Лениным

В чем было разногласие с Лениным?

В противовес отдельно выдернутым и ложно истолкованным цитатам мы дали выше более или менее связную, хотя далеко не полную картину действительного развития взглядов на характер и тенденции нашей революции. На этом важнейшем вопросе налипало, как всегда бывает во фракционной, особенно эмигрантской борьбе, много случайного, второстепенного и ненужного, что, однако, сподвигало и заслоняло важное и основное. Все это неизбежно в борьбе. Но теперь, когда борьба давно отошла в прошлое, можно и должно отбросить шелуху, чтобы выделить ядро вопроса.

Никакого принципиального разногласия в оценке основных сил революции не было. Это слишком ясно показали 1905-й и особенно 1917 годы. Но разница в политическом подходе была. Сведенная к самому основному, эта разница может быть сформулирована следующим образом. Я доказывал, что победа революции означает диктатуру пролетариата. Ленин возражал: диктатура пролетариата есть одна из возможностей на одном из следующих этапов революции; мы же еще должны пройти через демократический этап, в котором пролетариат может быть у власти только в коалиции с мелкой буржуазией. Я на это отвечал, что наши очередные задачи имеют буржуазно-демократический характер, что, бесспорно, на пути их разрешения могут быть разные этапы с той или другой переходной властью, не отрицаю, но эти переходные формы могут иметь только эпизодический характер; даже и для разрешения демократических задач необходима будет диктатура пролетариата; отнюдь не покушаясь перепрыгивать через демократическую стадию и вообще через естественные этапы классовой борьбы, мы должны сразу брать основную установку на завоевание власти пролетарским авангардом. Ленин отвечал: от этого мы ни в каком случае не зарекаемся; посмотрим, в каком виде сложится обстановка, каково будет, в частности, международное положение и прочее. Сейчас же нам надо выдвинуть три кита и на этих трех китах обосновать революционную коалицию пролетариата с крестьянством.

Нужны либо крайняя ограниченность, либо крайняя недобросовестность, чтобы теперь — после того, как Октябрьская революция уже совершилась, изображать эти две точки зрения как неприми-

рение. Октябрь 1917 года их очень хорошо примирил. Выдвигание Лениным, всемерное подчеркивание и полемическое заострение демократической стадии революции и программы трех китов было политически и тактически, безусловно, правильно и необходимо. И когда я говорил о неполноте и пробелах в так называемой теории перманентной революции, я имел в виду именно тот факт, что я лишь принимал демократическую стадию как нечто само собою разумеющееся — принимал не только на словах, но и на деле, что достаточно доказано опытом 1905 года. Но теоретически далеко не всегда сохранял в своей перспективе ясную, отчетливую, всесторонне разработанную перспективу возможных последовательных этапов революции и мог отдельными заявлениями, статьями — в то время, когда эти статьи писались, — вызывать такое представление, будто я «игнорирую» объективные демократические задачи и стихийно-демократические силы революции, тогда как на самом деле я считал их само собою разумеющимися и исходил из них как из данных, что доказывается полностью другими моими работами, писавшимися под другим углом зрения и для других целей.

Известная односторонность тех или других статей, написанных по этому вопросу, на протяжении дюжины годов (1905–1917) была тем самым «перегибанием палки», пользуясь выражением Ленина, которое совершенно неизбежно в больших вопросах идейной борьбы. Этим и объясняются те или другие полемические отклики Ленина, вызванные той или другой формулировкой в отдельной моей статье, но ни в каком случае не отвечающие ни моей общей оценке революции, ни характеру моего участия в ней.

Один из моих критиков однажды весьма популярно внушал мне мысль, что не нужно все полемические отзывы Ленина брать за чистую монету, а нужно вносить в них некую немаловажную политико-педагогическую поправку. У критика моего выходило, что Ленин делает из мухи слона.

В этих словах есть доля истины, которую знает всякий, кто знает Ленина по его писаниям. Но выражена здесь мысль с исключительной психологической грубостью: «Ленин делал из мухи слона». Тот же автор в другом месте выражается так: «Эту мысль Ленин защищал “с пеной у рта”». И пена у рта, и превращение мухи в слона ни в каком случае не вяжутся с образом Ленина. Но зато оба эти выражения как нельзя лучше вяжутся с образом автора, их породившего. Давно сказано: стиль — это человек...

Верно, во всяком случае, то, что, поскольку я не входил во фракцию, а позже в партию большевиков, Ленин отнюдь не склонен был искать случаев для выражения согласия с теми или другими выраженными мною взглядами. И если ему это приходилось делать по важнейшим вопросам, как показано выше, значит, солидарность была налицо и требовала признания. Наоборот, в тех случаях, когда Ленин полемизировал против меня, он вовсе не искал «справедливой оценки» моих взглядов, а преследовал ударные задачи минуты — чаще даже не по отношению ко мне, а по отношению к той или другой группе большевиков, которой нужно было в этом самом вопросе дать острастку.

Но как бы ни обстояло дело насчет старой полемики Ленина против меня по вопросам о характере революции, как бы ни обстояло дело с вопросом о том, правильно ли я понимал Ленина в этом вопросе раньше и даже правильно ли я его понимаю теперь, допустим даже на минуту, что разумению моему не доступно то, что вполне является умопостигаемым для Мартынова⁴¹, Слепкова⁴², Рафеса, Степанова-Скворцова⁴³, Куусинена⁴⁴ и всех прочих Лядовых⁴⁵, без различия пола и возраста, — остается все же налицо один совсем маленький, но весьма забористый вопросец: как же это так случилось, что те, которые в основном вопросе о характере русской революции не расходились с Лениным, разделяя его точку зрения полностью, и прочее, и прочее, заняли, — одни, поскольку были предоставлены самим себе, а другие — и после возвращения Ленина в Россию, — столь позорно оппортунистическую позицию в том самом вопросе, вокруг которого идейная жизнь партии вращалась в течение предшествовавших 12 лет.

На этот вопрос надо ответить, что я не перепрыгивал через аграрно-демократическую стадию революции, это доказано забываемыми историческими фактами и всем предшествовавшим изложением. Но почему же мои ожесточенно беспощадные критики на самом важном месте... недопрыгнули? Неужели только потому, что никому не дано прыгать выше собственных ушей? Такое объяснение в отдельном случае вполне законно, но мы не имеем в данном случае дела с целым слоем партии, воспитавшимся на определенной установке начиная с 1905 года. Нельзя ли в смягчение политической вины... привести то объяснение, что Ленин, считая само собою разумеющейся возможностью перерастания буржуазной революции в социалистическую, в полемике слишком отодвигал

этот исторический вариант, недостаточно останавливался на нем, недостаточно разъяснял... не только теоретическую возможность, но и глубокую политическую вероятность того, что пролетариат в России окажется у власти раньше, чем в передовых капиталистических странах.

Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля — не было бы на свете. Как неопровержимо свидетельствует мартовское совещание (протоколы которого не опубликованы по сей день)⁴⁶, авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слой партии, вместо неистово-наступательной политики Ленина навязала бы партии политику постольку, поскольку... политику разделения труда с Временным правительством, политику неотпугивания буржуазии, политику полупризнания империалистской войны, прикрытой пацифистскими манифестами народов всего мира.

И если Ленин, выдвинувший свои тезисы 4 апреля, натолкнулся ни больше ни меньше, как на обвинение в троцкизме, то что произошло бы, спрашиваю я, если бы на великую пагубу русской революции Ленин оказался бы отрезанным от России или погиб бы в пути и курс на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата был бы провозглашен кем-либо другим? Что тогда произошло бы?

После всего, что мы пережили за последние годы, это совсем не трудно себе представить. Инициаторы пересмотра установки лозунга, то есть проповедники курса на захват власти, стали бы предметом бешеной травли как ультралевые, как троцкисты, как нарушители традиции большевизма и — чего доброго — как контрреволюционеры. Все Лядовы ныряли бы в этой полемике и травле, как рыба в воде. Конечно, пролетариат снизу могущественно бы напирал и прорывал бы демократический фронт, но, лишенный объединенного, дальнозоркого и смелого руководства, он месяцем раньше или позже натолкнулся бы на победоносный корниловский, чанкайшистский переворот. После этого была бы написана семимильная резолюция о том, что все свершилось в строгом соответствии с законами Маркса, ибо буржуазии свойственно предавать пролетариат, а бонапартистским генералам свойственно

в интересах буржуазии производить государственные перевороты. Кроме того, «мы это заранее предвидели».

Попытка указать самодовольным филистерам, что предвидение их не стоит выеденного яйца, ибо задача состояла не в том, чтобы предвидеть победу буржуазии, а в том, чтобы обеспечить победу пролетариата, эта попытка вызвала бы дополнительную резолюцию о том, что все произошло на основании соотношения сил, что пролетариат отсталой России, да еще в обстановке империалистической бойни, не мог перепрыгивать через исторические стадии развития и что выдвигать такую программу могут только сторонники перманентной революции, против которой Ленин боролся до последних дней своей жизни.

Вот как пишется нынче история. И делается она так же плохо, как и пишется.

Между этими двумя постановками есть различие, но нет ничего похожего на противоречие. Различие подхода вело иногда к полемике, всегда лишь случайной, эпизодической. Ленинская позиция означала выдвигание на первый план политически действенных моментов. Моя позиция означала выдвигание, подчеркивание революционно исторических перспектив в целом. Тут было различие подхода, но не было противоречия. Лучше всего это обнаруживалось каждый раз, когда эти две линии пересекались в действии. Так было в 1905 и 1917 годах.

Ленин и Сталин. Последняя борьба и разрыв

Богатая по количеству (умолчим о качестве) иконография, созданная за самые последние годы, изображает Ленина неизменно в обществе Сталина. Они сидят рядом, совещаются, дружественно смотрят друг на друга. Назойливость этого мотива, повторяющегося в красках, в камне, в фильме, продиктована желанием заставить забыть тот факт, что последний период жизни Ленина был заполнен острой борьбой между ним и Сталиным, закончившейся полным разрывом. В борьбе Ленина, как всегда, не было ничего личного. Он, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина: твердость характера, упорство, даже беспощадность и хитрость, — качества, необходимые в борьбе, а следовательно, и в штабе партии. Но Сталин чем дальше, тем больше пользовался

теми возможностями, которые открывал ему его пост, для вербовки лично ему преданных людей и для мести противникам.

Став в 1919 году во главе Народного комиссариата инспекции⁴⁷, Сталин постепенно превратил и его в орудие фаворитизма и интриг. Из генерального секретариата партии он сделал неисчерпаемый источник милостей и благ. Во всяком его действии можно было открыть личный мотив. Ленин пришел постепенно к выводу, что известные черты сталинского характера, помноженные на аппарат, превратились в прямую угрозу для партии. Отсюда выросло у него решение оторвать Сталина от аппарата и превратить его тем самым в рядового члена ЦК. Письма Ленина того времени составляют ныне в СССР самую запретную из всех литератур. Но ряд их имеется в моем архиве, и некоторые из них я уже опубликовал.

Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года. В мае следующего года его поразил первый удар. В течение двух месяцев он был не способен ни двигаться, ни говорить, ни писать. С июля он медленно поправляется, в октябре возвращается из деревни в Кремль и возобновляет работу. Он был в буквальном смысле потрясен ростом бюрократизма, произвола и интриг в аппарате партии и государства. В течение декабря он открывает огонь против притеснений Сталина в области национальной политики, особенно в Грузии, где не хотят признать авторитета генерального секретаря; выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли и подготавливает обращение к предстоящему съезду партии, которое секретари Ленина, с его собственных слов, называют «бомбой против Сталина». 23 января он выдвигает, к величайшему испугу генерального секретаря, проект создания контрольной комиссии из рабочих для ограничения власти бюрократии.

«Будем говорить прямо, — пишет Ленин 2 марта, — наркомат инспекции не пользуется сейчас ни тенью авторитета... Хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего наркомата инспекции, нет...» и т. д.

Во главе инспекции стоял Сталин, и он хорошо понимал, что означает этот язык.

В середине декабря (1922 г.) здоровье Ленина снова ухудшилось. Он вынужден был отказаться от участия в заседаниях и сносился с ЦК путем записок и телефонограмм. Сталин сразу попытался использовать это положение, скрывая от Ленина информацию, которая сосредотачивалась в секретариате партии. Меры блокады

направлялись против лиц, наиболее близких Ленину. Крупская делала что могла, чтоб оградить больного от враждебных толчков со стороны секретариата. Но Ленин умел по отдельным, едва уловимым симптомам восстанавливать картину в целом.

— Оберегайте его от волнений! — говорили врачи. Легче сказать, чем сделать. Прикованный к постели, изолированный от внешнего мира, Ленин сгорал от тревоги и возмущения. Главным источником волнений был Сталин. Поведение генерального секретаря становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах трубкой, со зловещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе. Он решил не останавливаться ни перед какими препятствиями. Так надвинулся окончательный разрыв между ним и Лениным. Бывший советский дипломат Димитревский, весьма расположенный к Сталину, рассказывает об этом драматическом эпизоде так, как его изображали в окружении генерального секретаря.

«Бесконечно надоевшую ему своими приставаниями Крупскую, когда та вновь позвонила ему за какими-то справками в деревню, Сталин... самыми последними словами изругал. Крупская немедленно, вся в слезах, побежала жаловаться Ленину. Нервы Ленина, и без того накаленные интригой, не выдержали. Крупская поспешила отправить ленинское письмо Сталину... “Вы знаете ведь Владимира Ильича, — с торжеством говорила Крупская Каменеву, — он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически”».

Крупская действительно говорила это, но без всякого «торжества»; наоборот, эта глубоко искренняя и деликатная женщина была чрезвычайно испугана и расстроена тем, что произошло. Неверно, будто она «жаловалась» на Сталина; наоборот, она, по мере сил, играла роль амортизатора. Но в ответ на настойчивые запросы Ленина она не могла сообщать ему больше того, что ей сообщали из секретариата, а Сталин утаивал самое главное.

Письмо о разрыве, вернее, записка в несколько строк, продиктованная 5 марта доверенной стенографистке, сухо заявляло о разрыве со Сталиным «всех личных и товарищеских отношений». Эта за-

писка представляет последний оставшийся после Ленина документ и вместе с тем окончательный итог его отношений со Сталиным. В ближайшую ночь он снова лишился употребления речи.

Через год, когда Ленина уже успели прикрыть мавзолеем, ответственность за разрыв, как достаточно ясно выступает из рассказа Димитревского, была открыто возложена на Крупскую. Сталин обвинял ее в «интригах» против него. Небезызвестный Ярославский⁴⁸, выполняющий обычно двусмысленные поручения Сталина, говорил в июле 1928 года на заседании ЦК:

«Они дошли до того, чтобы позволить себе к больному Ленину прийти со своими жалобами на то, что их Сталин обидел. Позор! Личные отношения примешивать к политике по таким большим вопросам...»

«Они» — это Крупская. Ей свирепо мстили за обиды, которые нанес Сталину Ленин. Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни.

«Володя говорил: “У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности...”».

Так называемое Завещание Ленина, т. е. его последние советы об организации руководства партии, написано во время его второго заболевания в два приема: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года.

«Сталин, сделавшийся генеральным секретарем, — гласит Завещание, — сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Через десять дней эта сдержанная формула кажется Ленину недостаточной, и он делает приписку:

«Я предлагаю товарищам обдумать вопрос о смещении Сталина с этого места и назначении на это место другого человека», который был бы «более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.». Ленин стремился придать своей оценке Сталина как можно менее обидное выражение. Но речь шла, тем не менее, о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть.

После всего того, что произошло в предшествовавшие месяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Тем не менее он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом⁴⁹, который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присутствии своего секретаря Мехлиса⁵⁰, ныне политического шефа Красной Армии, и видного советского деятеля Сырцова⁵¹, ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к «учителю». Бажанов⁵², другой бывший секретарь Сталина, описывает заседание ЦК, где Каменев впервые оглашал Завещание.

«Тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе...»

Радек⁵³, сидевший на этом памятном заседании возле меня, нагнулся ко мне со словами:

— Теперь они не посмеют идти против вас.

Он имел в виду два места письма: одно, которое характеризовало Троцкого как «самого способного человека в настоящем ЦК», и другое, которое требовало смещения Сталина, ввиду его грубости, недостатка лояльности и склонности злоупотреблять властью. Я ответил Радеку:

— Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее.

Действительно, Завещание не только не приостановило внутренней борьбы, чего хотел Ленин, но, наоборот, придало ей лихорадочные темпы. Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: только смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу.

«Мучается старик»

Во время второго заболевания Ленина, видимо в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил,

что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду. Он снова терял способность речи, считал свое положение безнадежным, предвидел близость нового удара, не верил врачам, которых без труда уловил на противоречиях, сохранял полную ясность мысли и невыносимо мучился. Я имел возможность изо дня в день следить за ходом болезни Ленина через нашего общего врача Гетье⁵⁴, который был вместе с тем нашим другом дома.

— Неужели же, Федор Александрович, это конец? — спрашивали мы с женой его не раз.

— Никак нельзя этого сказать. Владимир Ильич может снова подняться — организм мощный.

— А умственные способности?

— В основном останутся незатронуты. Не всякая нота будет, может быть, иметь прежнюю чистоту, но виртуоз останется виртуозом.

Мы продолжали надеяться. И вот неожиданно обнаружилось, что Ленин, который казался воплощением инстинкта жизни, ищет для себя яду. Каково должно было быть его внутреннее состояние!

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка; точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выживая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?... Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумvirату?

— Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! — воскликнул я. — Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

— Я говорил ему все это, — не без досады возразил Сталин, — но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

— Все равно невозможно, — настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. — Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

— Мучается старик, — повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону. У него в мозгу протекал, видимо, свой ряд мыслей, параллельный разговору, но совсем не совпадавший с ним. Последующие события могли, конечно, в деталях оказать влияние на работу моей памяти, которой я в общем привык доверять. Но сам по себе эпизод принадлежит к числу тех, которые навсегда врезаются в сознание. К тому же по приходе домой я его подробно передал жене. И каждый раз, когда я мысленно сосредотачиваюсь на этой сцене, я не могу не повторить себе: поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер. Чего он хочет, этот человек? И почему он не сгонит со своей маски эту вероломную улыбку?... Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яду не может быть и речи.

Здесь естественно возникает вопрос: как и почему Ленин, который относился в этот период к Сталину с чрезвычайной подозрительностью, обратился к нему с такой просьбой, которая на первый взгляд предполагала высшее личное доверие? За несколько дней до обращения к Сталину Ленин сделал свою безжалостную приписку к Завещанию. Через несколько дней после обращения он порвал с ним все отношения. Сталин сам не мог не поставить себе вопрос: почему Ленин обратился именно к нему? Разгадка проста: Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в ее исполнении. Своим безошибочным чутьем больной угадывал, что творится в Кремле и за его стенами и каковы действительные чувства к нему Сталина. Ленину не нужно было даже перебирать в уме ближайших товарищей, чтобы сказать себе: никто, кроме Сталина, не окажет ему этой «услуги». Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью? Ленин думал в те дни не только о смерти, но и о судьбе партии. Революционный нерв Ленина был, несомненно, последним из нервов, который сдался смерти. Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос:

действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду.

Смерть и похороны Ленина

В судебном процессе 1938 года Сталин выдвинул против Бухарина⁵⁵ как бы мимоходом обвинение в подготовке покушения на Ленина в 1918 году. Наивный и увлекающийся Бухарин благоговел перед Лениным, любил его любовью ребенка и матери и если дерзил ему в полемике, то не иначе, как на коленях. У Бухарина, мягкого как воск, по выражению Ленина, не было и не могло быть самостоятельных честолюбивых замыслов. Если бы кто-нибудь предсказал нам в старые годы, что Бухарин будет когда-нибудь обвинен в подготовке покушения на Ленина, каждый из нас (и первый — Ленин) посоветовал бы посадить предсказателя в сумасшедший дом. Зачем же понадобилось Сталину насквозь абсурдное обвинение? Зная Сталина, можно сказать с уверенностью: это ответ на подозрения, которые Бухарин неосторожно высказывал относительно самого Сталина. Все вообще обвинения московских процессов построены по этому типу. Основные элементы сталинских подлогов не извлечены из чистой фантазии, а взяты из действительности, большей частью из дел или замыслов самого мастера острых блюд. Тот же оборонительно-наступательный «рефлекс Сталина», который так ярко обнаружился на примере со смертью Горького, дал знать всю свою силу и в деле со смертью Ленина. В первом случае поплатился жизнью Ягода⁵⁶, во втором — Бухарин.

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду — если он вообще требовал его — в конце февраля 1923 года. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период осторожно-неблагоприятный. Почувствовав прилив уверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин был уже мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое. К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали

все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией. Недаром Крупская говорила в 1926 году:

«Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме».

Но для Сталина вопрос шел не об общем ходе развития, а об его собственной судьбе: либо ему теперь же, сегодня удастся стать хозяином аппарата, а следовательно — партии и страны, либо он будет на всю жизнь отброшен на третьи роли. Сталин хотел власти, всей власти во что бы то ни стало. Он уже крепко ухватился за нее рукою. Цель была близка, но опасность со стороны Ленина — еще ближе.

Именно в этот момент Сталин должен был решить для себя, что надо действовать безотлагательно. У него везде были сообщники, судьба которых была полностью связана с его судьбой. Под рукой был фармацевт Ягода. Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление, или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю. Но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки.

Во второй половине января 1924 года я выехал на Кавказ в Сухум, чтобы попытаться избавиться от преследовавшей меня таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор. Весть о смерти Ленина застигла меня в пути. Согласно широко распространенной версии, я потерял власть по той причине, что не присутствовал на похоронах Ленина. Вряд ли можно принимать это объяснение всерьез. Но самый факт моего отсутствия на траурном чествовании произвел на многих друзей тяжелое впечатление. В письме старшего сына, которому в то время шел 18-й год, звучала нота юношеского отчаяния: надо было во что бы то ни стало приехать! Таковы были и мои собственные намерения, несмотря на тяжелое болезненное состояние. Шифрованная телеграмма о смерти Ленина застала нас с женой на вокзале в Тифлисе. Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку:

«Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?»

Ответ прибыл из Москвы примерно через час:

«Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум.

Сталин».

Требовать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным. Только в Сухуме, лежа под одеялами на веранде санаториума, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье. Обстоятельства, связанные с первоначальным назначением и позднейшим изменением дня похорон, так запутаны, что нет возможности осветить их в немногих строках. Сталин маневрировал, обманывал не только меня, но, видимо, и своих участников по триумvirату. В отличие от Зиновьева, который подходил ко всем вопросам с точки зрения агитационного эффекта, Сталин руководствовался в своих рискованных маневрах более осязательными соображениями. Он мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления; потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подальше до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего-либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо⁵⁷; я не беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным

в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора о ней, как если б боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

— О, вы не знаете Кубы, — говорил он со своей испуганной улыбкой. — Куба на все способен.

Над гробом Ленина Сталин прочитал по бумажке клятву верности заветам учителя в стиле той гомилетики, которую он изучал в тифлисской духовной семинарии. В ту пору клятва осталась малозамеченной. Сейчас она вошла во все хрестоматии и занимает место синайских заповедей.

* * *

В связи с московскими процессами и последними событиями на международной арене имена Нерона и Цезаря Борджиа упоминались не раз⁵⁸. Если уж вызывать эти старые тени, то следует, мне кажется, говорить, о сверх-Нероне и сверх-Борджиа, — так скромны, почти наивны, кажутся преступления тех эпох по сравнению с подвигами нашего времени. Под чисто персональными аналогиями можно, однако, открыть более глубокий исторический смысл. Нравы римской империи упадка складывались на переломе от рабства к феодализму, от язычества к христианству. Эпоха Возрождения означала перелом от феодального общества к буржуазному, от католицизма к протестантизму и либерализму.

В обоих случаях старая мораль успела истлеть прежде, чем новая сложилась.

Сейчас мы снова живем на переломе двух систем, в эпоху величайшего социального кризиса, который, как всегда, сопровождается кризисом морали. Старое расшатано до основания. Новое едва начало строиться. Когда в доме провалилась крыша, сорвались с цепей окна и двери, в нем неуютно и трудно жить. Сейчас сквозные ветры дуют по всей нашей планете. Традиционным принципам морали приходится все хуже и хуже, и притом не только со стороны Сталина... Историческое объяснение не есть, однако, оправдание. И Нерон был продуктом своей эпохи. Но после его гибели его ста-

туи были разбиты, и его имя выскоблено отовсюду. Месть истории страшнее мести самого могущественного генерального секретаря. Я позволяю себе думать, что это утешительно.

13 октября 1939 года
Койоакан

«Шесть слов»

Ссылаясь на свидетельство Карла Радека, Эмиль Людвиг⁵⁹ передает, с его слов, следующий эпизод:

«После смерти Ленина сидели мы, 19 человек из ЦК, вместе, с напряжением ожидая, что нам скажет из своего гроба вождь, которого мы лишились. Вдова Ленина передала нам его письмо. Сталин оглашал его. Во время оглашения никто не пошевелился. Когда дело дошло до Троцкого, там значилось: “Его не большевистское прошлое не случайность”. На этом месте Троцкий прервал чтение и спросил: “Как там сказано?” Предложение было повторено. Это были единственные слова, которые прозвучали в этот торжественный час».

Уже в качестве аналитика, а не повествователя, Людвиг делает замечание от себя:

«Страшный момент, когда сердце Троцкого должно было остановиться: эта фраза из шести слов решила, в сущности, его жизнь».

Как просто, оказывается, найти ключ к историческим загадкам! Патетические строки Людвиг раскрыли бы, вероятно, мне самому тайну моей судьбы, если бы... Если бы рассказ Радека — Людвиг не был ложен с начала до конца: в мелком и в крупном, в безразличном и значительном.

Начать с того, что Завещание было написано Лениным не за два года до его смерти, как утверждает наш автор, а за год: оно датировано 4 января 1923 года, Ленин умер января 1924 года; политическая жизнь его окончательно оборвалась уже в марте 1923 года. Людвиг утверждает, будто Завещание никогда не было опубликовано полностью. На самом деле оно воспроизводилось десятки раз на всех языках мировой печати. Первое официальное

оглашение Завещания в Кремле происходило не в заседании ЦК, как пишет Людвиг, а в Совете старейшин XIII партийного съезда, мая 1924 года. Оглашал Завещание не Сталин, а Каменев, в качестве неизменного в то время председателя центральных партийных учреждений. И, наконец, самое главное: я не прерывал чтения взволнованным восклицанием за отсутствием к этому какого бы то ни было повода: тех слов, которые Людвиг записал под диктовку Радека, в тексте Завещания нет: они представляют чистейший вымысел. Как ни трудно этому поверить, но это так!

Если бы Людвиг не относился слишком пренебрежительно к фактическому фундаменту для своих психологических узоров, он без труда мог бы достать точный текст Завещания, установить необходимые факты и даты и тем избежать плачевных ошибок, которыми, к сожалению, кишит его работа о Кремле и большевиках.

Так называемое Завещание написано в два приема, отделенных промежутком в десять дней: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года. О документе знали первоначально только два лица: стенографистка М. Володичева, которая его записывала под диктовку, и жена Ленина, Н. Крупская. Пока оставалась тень надежды на выздоровление Ленина, Крупская оставляла документ под замком. После смерти Ленина она, незадолго до XIII съезда, передала Завещание в Секретариат ЦК, с тем чтоб оно через партийный съезд было доведено до сведения партии, для которой предназначалось.

К этому времени партийный аппарат был полуофициально в руках тройки (Зиновьев, Каменев, Сталин), фактически же в руках Сталина. Тройка решительно высказалась против оглашения Завещания на съезде, мотивы понять нетрудно. Крупская настаивала на своем. В этой стадии спор происходил за кулисами. Вопрос был перенесен на собрание старейшин съезда, т. е. руководителей провинциальных делегаций. Здесь о Завещании впервые узнали оппозиционные члены Центрального Комитета, в том числе и я. После того, как было постановлено, чтобы никто не делал записей, Каменев приступил к оглашению текста. Настроение аудитории действительно было в высшей степени напряженным. Но, насколько можно восстановить картину по памяти, я сказал бы, что несравненно больше волновались те, которым содержание документа уже было известно. Тройка внесла через одного из подставных лиц предложение, заранее согласованное с провинциальными главарями: документ будет оглашен по отдельным делегациям,

в закрытых заседаниях; никто не смеет при этом делать записи: на пленуме съезда на Завещание нельзя ссылаться. Со свойственной ей мягкой настойчивостью Крупская доказывала, что это есть прямое нарушение воли Ленина, которому нельзя отказать в праве довести свой последний совет до сведения партии. Но связанные фракционной дисциплиной члены Совета старейшин оставались непреклонны: подавляющим большинством прошло предложение тройки.

Чтоб пояснить смысл тех мистических и мифических «шести слов», которые будто бы решили мою судьбу, нужно напомнить некоторые предшествовавшие и сопутствовавшие обстоятельства. Уже в период острых споров по поводу октябрьского переворота «старые большевики», из числа правых, не раз указывали с раздражением на то, что Троцкий-де раньше не был большевиком; Ленин всегда давал таким голосам отпор: Троцкий давно понял, что объединение с меньшевиками невозможно, говорил он, например, 14 ноября 1917 года, «и с тех пор не было лучшего большевика»⁶⁰. В устах Ленина эти слова кое-что означали.

Два года спустя, объясняя в письме к иностранным коммунистам условия развития большевизма, бывшие разногласия и расколы, Ленин указывал на то, что «в решительный момент, в момент завоевания власти и создания Советской Республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли»... Более близкого к большевизму течения, чем то, которое я представлял до 1917 года, не существовало ни в России, ни на Западе. Объединение мое с Лениным было predeterminedено логикой идей и логикой событий. В решительный момент большевизм привлек в свои ряды «все лучшее из близких ему течений» — такова оценка Ленина. У меня нет оснований против нее возражать.

Во время двухмесячной дискуссии по вопросу о профессиональных союзах (зима 1920/21 г.) Сталин и Зиновьев опять пытались пустить в ход ссылку на небольшевистское прошлое Троцкого. В ответ на это менее сдержанные ораторы противного лагеря напомнили Зиновьеву его поведение в период октябрьского переворота. Обдумывая в своей постели со всех сторон, как сложатся в партии отношения без него, Ленин не мог не предвидеть, что Сталин и Зиновьев попытаются использовать мое небольшевистское прошлое для мобилизации старых большевиков против меня.

Завещание пытается предупредить попутно и эту опасность. Вот что там говорится непосредственно вслед за характеристикой Сталина и Троцкого:

«Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому».

Указание на то, что октябрьский эпизод «не являлся случайностью», преследует совершенно определенную цель предупредить партию, что в критических условиях Зиновьев и Каменев могут снова обнаружить недостаток выдержки. Это предостережение не стоит, однако, ни в какой связи с упоминанием о Троцком: по отношению к нему рекомендуется лишь не пользоваться его меньшевистским прошлым, как доводом *ad hominem*⁶¹. У меня не было, следовательно, никакого повода задавать вопрос, который приписывает мне Радек. Заодно отпадает и догадка Людвига об «остановившемся сердце». Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии. Оно, как увидим далее, преследовало прямо противоположную цель.

«Взаимоотношения Сталина и Троцкого»

Центральное место Завещания, занимающего две написанных на машинке страницы, отведено характеристике взаимоотношений Сталина и Троцкого, «двух выдающихся вождей современного ЦК». Отметив «выдающиеся способности» Троцкого («самый способный человек в настоящем ЦК»), Ленин тут же указывает его отрицательные черты: «чрезмерная самоуверенность» и «чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела». Как ни серьезны указанные недостатки сами по себе, они не имеют — замечу мимоходом — никакого отношения к «недооценке крестьянства», ни к «неверию во внутренние силы революции», ни к другим эпигонским измышлениям позднейших годов.

С другой стороны, Ленин пишет:

«Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Речь идет здесь не о политическом влиянии Сталина, которое в тот период было совсем незначительно, а об административной власти, которую он сосредоточил в своих руках, «сделавшись генсеком». Это очень точная и строго взвешенная формула, мы еще вернемся к ней.

Завещание настаивает на увеличении членов ЦК до 50, даже до 100 человек, дабы своим компактным давлением они могли сдерживать центробежные тенденции в Политбюро. Организационное предложение имеет пока еще видимость нейтральной гарантии против личных конфликтов. Но уже через 10 дней оно кажется Ленину недостаточным, и он приписывает дополнительное предложение, которое и придает всему документу его окончательную физиономию:

«...я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях* отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

В дни, когда диктовалось Завещание, Ленин стремился еще давать своей критической оценке Сталина как можно более сдержанное выражение. В ближайшие недели его тон будет становиться все резче, вплоть до того последнего часа, когда его голос оборвется навсегда. Но и в Завещании сказано достаточно, чтоб мотивировать необходимость смены генерального секретаря: наряду с грубостью и капризностью, Сталину вменяется в вину недостаток лояльности. В этом пункте характеристика превращается в тяжелое обвинение.

Как ясно станет из дальнейшего, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Но это не смягчало удара. После первого ознакомления с документом, в Секретариате, в кругу ближайших сотрудников, Сталин разрешился фразой, которая

---

* Не забудем, что Завещание продиктовано и не выправлено, отсюда местами стилистические несообразности текста, но мысль совершенно ясна.

давала совершенно неприкрытое выражение его действительным чувствам по отношению к автору Завещания. Условия, при которых фраза проникла в более широкие круги, и, главное, неподдельный характер самой реакции являются, в моих глазах, безусловной гарантией достоверности всего эпизода. К сожалению, крылатая фраза не подлежит оглашению в печати.

Заключительное предложение Завещания недвусмысленно показывает, откуда, по Ленину, шла опасность. Сместить Сталина — именно его и только его — значило оторвать его от аппарата, отнять у него возможность нажимать на длинное плечо рычага, лишить его всей той власти, которую он сосредоточил в своих руках по должности.

Кого же назначить генеральным секретарем? Лицо, которое, имея положительные черты Сталина, было бы, однако, более терпимым, более лояльным, менее капризным. Именно эту фразу Сталин воспринял особенно остро: Ленин явно не считал его незаменимым, раз предлагал поискать более подходящее лицо на тот же пост. Подавая, для формы, в отставку, генеральный секретарь капризно повторял: «Что ж, я действительно груб... Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что ж, попробуйте найти». — «Ничего, — отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина, — нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская». Косвенно здесь Ленину приписывалось салонное понимание вежливости. Об обвинении в недостатке лояльности ни Сталин, ни его друзья не упоминали. Не лишено, пожалуй, интереса, что голос поддержки исходил от А. П. Смирнова⁶², тогдашнего народного комиссара земледелия, состоящего ныне под опалой, в качестве правого. Политика не знает благодарности.

Рядом со мною во время оглашения Завещания сидел Радек, тогда еще член ЦК. Легко поддающийся влиянию момента, лишенный внутренней дисциплины, сразу зажженный Завещанием, Радек нагнулся ко мне со словами: «Теперь они не посмеют пойти против вас». Я ответил ему: «Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее». Уже ближайшие дни XIII съезда показали, что моя оценка была более трезвой. Тройке необходимо было предупредить возможное действие Завещания, поставив партию, как можно скорее, перед совершившимся фактом. Уже оглашение документа по земляческим делегациям, куда

не пускали «посторонних», превращено было в прямую борьбу против меня. Старейшины делегаций проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в том смысле, что письмо написано тяжелобольным, под влиянием происков и интриг. Аппарат уже господствовал безраздельно. Один тот факт, что тройка могла решиться попать волю Ленина, отказав в оглашении письма на съезде, достаточно характеризует состав съезда и его атмосферу. Завещание не приостановило и не смягчило внутреннюю борьбу, наоборот, придало ей катастрофические темпы.

Отношение Ленина к Сталину

Политика настойчива: она умеет заставить служить себе и тех, которые демонстративно поворачиваются к ней спиной. Людвиг пишет: «Сталин страстно следовал за Лениным до его смерти». Если бы эта фраза выражала лишь факт огромного влияния Ленина на его учеников, включая и Сталина, возражать не было бы основания. Но Людвиг хочет сказать нечто большее. Он хочет отметить исключительную близость к учителю именно данного ученика. В качестве особенно ценного свидетельства Людвиг приводит при этом слова самого Сталина: «Я только ученик Ленина, и моя цель быть достойным его учеником». Плохо, если профессиональный психолог некритически оперирует с банальной фразой, условная скромность которой не заключает в себе ни атома интимного содержания. Людвиг становится здесь просто проводником официальной легенды, созданной за самые последние годы. Вряд ли он при этом хоть в отдаленной степени представляет себе те противоречия, в которые его заводит безразличие к фактам. Если Сталин действительно «следовал за Лениным до его смерти», чем объяснить в таком случае, что последним документом, продиктованным Лениным накануне второго удара, было коротенькое письмо Сталину, всего из нескольких строк, о прекращении с ним всяких личных и товарищеских отношений? Единственный в своем роде случай в жизни Ленина, резкий разрыв с одним из близких сотрудников, должен был иметь очень серьезные психологические причины и являлся бы по меньшей мере непонятным в отношении ученика, который «страстно» следовал за учителем до конца. Однако от Людвига мы об этом не слышим ни слова.

Когда письмо Ленина о разрыве со Сталиным стало широко известно на верхах партии уже после распада тройки, Сталин и его ближайшие друзья не нашли другого выхода, кроме все той же версии о неизменяемом состоянии Ленина. На самом деле Завещание, как и письмо о разрыве, писалось в те месяцы (декабрь 1922 — начало марта 1923), в течение которых Ленин, в ряде программных статей, дал партии наиболее зрелые плоды своей мысли. Разрыв со Сталиным не упал с ясного неба: он вытекал из долгого ряда предшествующих конфликтов принципиального и практического характера, и он трагически освещает всю остроту этих конфликтов.

Ленин, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина. Твердость характера, цепкость, упорство, даже беспощадность и хитрость, — качества, необходимые в войне, следовательно, и в ее штабе. Но Ленин вовсе не считал, что эти данные, хотя бы и в исключительном масштабе, достаточны для руководства партией и государством. Ленин видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Значение теории для политической борьбы стояло в глазах Ленина слишком высоко. А Сталина никто не считал теоретиком, и сам он до 1924 г. не изъявлял никогда претензий на это звание. Наоборот, его слабая теоретическая подготовка была слишком известна в тесном кругу. Сталин не знаком с Западом, не знает ни одного иностранного языка. При обсуждении проблем мирового рабочего движения он никогда не привлекался. Сталин не был, наконец, — это менее важно, но не лишено все же значения, — ни писателем, ни оратором в собственном смысле слова. Статьи его, несмотря на всю осторожность автора, кишат не только теоретическими несообразностями и наивностями, но и грубыми погрешностями против русского языка. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась областью партийного администрирования и аппаратного маневрирования. Но и здесь Ленин вносил существенные оговорки, чрезвычайно возросшие в последний период.

К идеалистическому морализированию Ленин относился с брезгливостью. Но это совсем не мешало ему быть ригористом революционной морали, т. е. тех правил поведения, которые он считал необходимыми для успеха революции и построения нового общества. В ригоризме Ленина, естественно и свободно вытекавшем из его натуры, не было и капли педантизма, ханжества или чопорности. Он слишком хорошо понимал людей и брал их такими, как

они есть. Недостатки одних он сочетал с достоинствами, иногда и с недостатками других, не переставая зорко следить за тем, что из этого выходит. Он хорошо знал к тому же, что времена меняются, и мы вместе с ними. Партия из подполья одним взмахом поднялась на вершину власти. Это создавало для каждого из старых революционеров небывало резкую перемену в личном положении и во взаимоотношениях с другими людьми. То, что Ленин открыл у Сталина в этих новых условиях, он осторожно, но внятно отметил в Завещании: недостаток лояльности и склонность злоупотреблять властью. Людвиг прошел мимо этих намеков. Между тем именно в них нужно видеть ключ к отношениям между Лениным и Сталиным в последний период.

Ленин был не только теоретиком и практиком революционной диктатуры, но и зорким стражем ее нравственных основ. Каждый намек на использование власти в личных видах вызывал грозные огоньки в его глазах. «Чем же это лучше буржуазного парламентаризма?» — спрашивал он, чтоб ярче выразить душившее его возмущение, и прибавлял нередко по адресу парламентаризма одно из своих сочных определений. Между тем Сталин, чем дальше, тем шире и тем неразборчивее, пользовался заложенными в революционной диктатуре возможностями для вербовки лично ему обязанных и преданных людей. В качестве генерального секретаря он стал раздатчиком милостей и благ. Здесь заложен был источник неизбежного конфликта. Ленин постепенно утратил к Сталину нравственное доверие. Если понять этот основной факт, то все частные эпизоды последнего периода расположатся как следует и дадут действительную, а не фальшивую картину отношений Ленина к Сталину.

